

Научный журнал

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

■ выпуск 10(115) • 2024 • том 14

Журнал «Вопросы национальных и федеративных отношений»
включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты на соискание ученой степени кандидата
наук, на соискание ученой степени доктора наук
по политическим и историческим наукам

Москва, 2024

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Вячеслав Александрович
МИХАЙЛОВ

Председатель Совета, д.и.н., профессор,
зав. кафедрой национальных и федеративных
отношений РАНХ и ГС при Президенте РФ

Редакционный Совет

Рамазан Гаджимурадович
АБДУЛАТИПОВ

д.ф.н., постоянный представитель Российской Федерации
при Организации Исламского сотрудничества

Любовь Федоровна
БОЛТЕНКОВА

д.ю.н., профессор РАНХ и ГС при Президенте РФ

Владимир Иванович
ВАСИЛЕНКО

д.п.н., профессор Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

Владимир Александрович
ВОЛОХ

д.п.н., профессор Государственного университета управления

Вадим Витальевич
ГАЙДУК

д.п.н., руководитель Центра политико-правовых исследований
АНО «Евразийский научно-исследовательский институт
проблем права»

Владимир Юрьевич
ЗОРИН

д.п.н., руководитель Центра по научному взаимодействию
с общественными организациями, СМИ и органами
государственной власти ИЭА РАН

Раушан Мусахановна
КАНАПЬЯНОВА

д.п.н., профессор кафедры международного культурного
сотрудничества МГИК

В. Микаэль
КАССАЕ НЫГУСИЕ

д.и.н., профессор кафедры теории и истории международных
отношений Российского университета дружбы народов

Геннадий Яковлевич
КОЗЛОВ

д.и.н., профессор Рязанского государственного университета
им. С.А. Есенина

Игорь Георгиевич
КОСИКОВ

д.и.н., главный научный сотрудник Института этнологии
и антропологии РАН

Николай Павлович
МЕДВЕДЕВ

д.п.н., профессор Российского университета
дружбы народов

Марина Николаевна
МОСЕЙКИНА

д.и.н. профессор, заведующая кафедрой истории России
Российского университета дружбы народов

Александр Данилович
НАЗАРОВ

д.и.н., профессор, зам. руководителя кафедры
по научной работе Московского авиационного института

Дарья Вячеславовна
ПЕРКОВА

к.п.н., ответственный редактор

Александр Васильевич
ПОНЕДЕЛКОВ

д.п.н., профессор, заведующий кафедрой политологии
и этнополитики Южно-Российского института управления –
филиал РАНХ и ГС при Президенте РФ

Дмитрий Егорович
СЛИЗОВСКИЙ

д.и.н., профессор кафедры истории России
Российского университета дружбы народов

Александр Михайлович
СТАРОСТИН

д.п.н., профессор, Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)

Шукран Саидовна
СУЛЕЙМАНОВА

д.п.н., профессор Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

Жибек Сапарбековна
СЫЗДЫКОВА

д.и.н., профессор, ведущий научный сотрудник
научно-исследовательской лаборатории Экологии культуры
Востока Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова,
заместитель главного редактора журнала

Редакционная коллегия

Главный редактор – СУЛЕЙМАНОВА Ш.С.,
д.п.н., профессор РАНХиГС

УЧРЕЖДЕН

ООО «Издательство
«Наука сегодня»

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ ВАК РФ

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны
культурного наследия

Регистрационный номер
ПИ № ФС77-47487
от 25 ноября 2011 года

Журнал издается ежемесячно
Журнал включен в базу РИНЦ
(Российский индекс научного
цитирования)

Включен в каталог
Ulrich's Periodicals Directory
Пятилетний импакт-фактор
журнала: 0, 369

Адрес редакции:
115598, г. Москва,
ул. Загорьевская, д. 10, корп. 4,
цокольный этаж, помещение I,
комната 7-1, офис 4
Тел.: (910) 463-53-42
www.etnopolitolog.ru
E-mail: etnopolitolog@yandex.ru

Мнение авторов может
не совпадать
с мнением редакции.
При перепечатке ссылка
на журнал обязательна.
Научные статьи, публикуемые
в журнале подлежат
обязательному
рецензированию.

Ответственный редактор
Перкова Д.В.
Компьютерная верстка
Загуменов А.П.

Подписано в печать 25.10.2024.

Формат 60×84/8. Объем 34,5
Печать офсетная.
Тираж – 1000 экз.
(1-й завод – 500).

Заказ №

Отпечатано в типографии
ООО «Белый ветер»
115054, г. Москва, ул. Щипок, 28
Тел.: (495) 651-84-56

ISSN 2226-8596 (print)

12 выпусков в год и 2 выпуска в год переводной (англ.) версии

Языки: русский, английский

<http://etnopolitolog>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>)

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals

Library Cyberleninka

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 70114

Цели и тематика

Журнал ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ – периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционного совета и редколлегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 2011 года в издательстве «Наука сегодня». С 2018 года издается переводная (англ.) версия журнала. С момента своего создания, журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих политологических журналов России.

Цель журнала – способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований. Тематическая направленность журнала отражается в следующих постоянных рубриках: «Отечественная история, этнология и этнография», «История международных отношений и мировой политики», «История и философия политики», «Политические институты, процессы и технологии», «Политическая культура, этнополитика и идеологии», «Политические проблемы международных отношений и глобализации».

Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, материалы круглых столов, научные рецензии, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политики и политологии.

В своей деятельности редакционный совет и редколлегия журнала руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки качества научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Целевой аудиторией журнала являются российские и зарубежные специалисты-политологи, а также аспиранты и магистры, обучающиеся по направлениям политология, государственное и муниципальное управление и международные отношения.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования о подготовке и публикации статей, архив (выпуски с 2011 года) и дополнительная информация размещена на сайте: <http://etnopolitolog.ru>

Электронный адрес: etnopolitolog@yandex.ru

ISSN 2226-8596 (print)

12 issues a year plus 2 issues a year of the translated (eng.) version

Languages: Russian and English

<http://etnopolitolog>

Included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation

Included in the Ulrich's Periodicals Directory

Materials of the journal are placed on the RSCI platform of the Russian scientific electronic library – Electronic Journals Library Cyberleninka

Subscription index of the journal in the Rospechat Agency catalogue is: 70114

Objectives and Themes

Academic journal «Issues of National and Federative Relations» is an international peer-reviewed scientific periodical in the field of political studies. The journal has an international character because of the composition of its Editorial Board, its editors, its contributing authors and topics of its publications.

The scientific journal is published since 2011 at the «Publishing House «Science Today». Translated (eng.) version of the journal is published since 2018. Since its inception, the journal was guided by high scientific and ethical standards and today it is one of the leading political science journals in Russia.

The purpose of the journal is to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign political scientists.

The journal is intended for the publication of the results of fundamental and applied scientific research. Thematic focus of the journal is reflected in the following permanent headings: «Domestic history, ethnology and ethnography», «History of international relations and world politics», «History and philosophy of politics», «Political institutions, processes and technologies», «Political culture, ethnopoltics and ideologies», «Political problems of international relations and globalization.»

Format of publications: scientific articles, reviews, scientific materials, materials of round tables, scientific reviews, scientific reports devoted to research problems in the field of politics and political science.

The Editorial Board and the editors of the journal in their activities are guided by the principles defined by VAK of Russia for scientific journals, including: presence of the institute of peer review for the expert quality assessment of scientific articles; information openness of the publications; availability and compliance with the rules and ethical standards for the submission of manuscripts by the authors.

The target audience of the journal is Russian and foreign specialists-political scientists, as well as graduate students and masters in the fields of political science, state and municipal management and international relations.

The journal strictly adheres to the international publishing standards and publication ethics identified in the COPE (Committee on Publication Ethics) document. <http://publicationethics.org>.

Full details of the journal and its editorial policy, requirements to the preparation and publication of articles, archive (issues since 2011) and additional information are available on the website: <http://etnopolitolog.ru>

E-mail address: etnopolitolog@yandex.ru

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ

Курбанов Н.И., Варакин М.М.

«Русский вопрос» и международное положение в Восточной Азии
в 1930-е гг.: взгляд А.И. Деникина3098

Плеханов А.А.

«Царское око видит далеко»
(Тайная канцелярия Петра Великого)3108

Бубович С.С.

Подготовка кадров в Ульяновской области в послевоенные годы3117

Вдовин С.С.

Некоторые аспекты межэтнических отношений в Хорезме
в конце XVIII – середине XIX в.3122

Ивлев Д.М.

Реконструкция Вышневолоцкого водораздельного участка
в период 1784-1792 гг. в документах Государственного архива
Тверской области3128

Личак Н.А., Руденко Л.Д., Кривова А.Л.

Исторические этапы развития отечественной системы
местного самоуправления в советский период3137

Лю Чжэнь

Проблемы сотрудничества СССР и Китая
в области экономики и торговли3149

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПОЛИТИКИ

Легостаев И.А.

Дискурс-анализ в политической науке:
методологические возможности и ограничения3157

Проценко А.В., Бервино Е.Г.

Охранительная функция умеренного консерватизма
в условиях геополитических трансформаций3166

Пряничников Н.О.

Развитие концепции мифомотора
в этносимволистских теориях нации и национализма3176

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Балынская Н.Р., Дзюбан В.В., Муртазин Р.А.

Институционализация основы формирования и реализации
государственной национальной политики Российской Федерации3185

Абрамов И.О.

Сравнительный анализ моделей лоббизма
в странах Центральной Азии.....3196

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПОЛИТИКИ

Летяев В.А., Карпович О.Г., Игнатова К.Э.

Суверенизация государственной национальной политики
в контексте российского участия в Совете Европы3206

Васюшкин А.В.

Теоретические аспекты индикативного управления
социально-экономическими процессами.....3219

Летяев В.А., Закаурцева Т.А., Ногмова А.Ш., Игнатова К.Э.

Разноуровневая модель управленческих решений
в Республике Татарстан по противодействию рискам и угрозам
в сфере межнациональных отношений3226

Баранов О.А., Алексанян Л.В., Болиева А.А., Цаллаева З.В.

Основные характеристики и психологические особенности лиц,
попавших под влияние идеологии «колумбайна» («скулшутинга»)
Алгоритм работы по выявлению фактов распространения
скулшутинга в образовательных организациях3232

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Шангараев Р.Н., Гончаров С.В.

Особенности формирования турецкой диаспоры в Германии3243

Люй Чжэньжун

Элементы китайской культуры в китайской внешней политике
на примере Центральной Азии3253

Богданова А.В., Жукова Е.В.

Влияние исторического мифа на развитие сепаратистских
тенденций (на примере Каталонии и Косова)3264

Каркин А.С.

Влияние политической ситуации на подготовку спортсменов:
история и современность.....3273

Юань Чэньчжао, Цянь Чэнь

От советской модели к китайской специфике: сравнительное
исследование путей модернизации правящих партий
в социалистических государствах3282

Гребнев Р.Д.

Латиноамериканский регионализм на пути к децентрализации
глобального регулирования международных отношений.....3286

Гришанова А.Г.

Демографическая безопасность и миграционные процессы
в контексте интеграции на постсоветском пространстве3298

Цзян Дани

Исследование упорядочения и перевода архивных материалов
международных линий связи в Северо-Восточном Китае
в период войны сопротивления японской экспансии
с точки зрения китайских и российских архивов3310

Ощепков Е.Р.

Стратегический диалог Японии и АСЕАН:
истоки, эволюция, перспективы.....3315

Фам Хоанг Ань, До Тхи Ван Фыонг, Фан Тхи Ньюан

Вьетнам – АСЕАН: политические уроки истории3329

Фатхуллина Д.В.

Образовательная политика как направление работы
Королевства Саудовская Аравия в рамках политики «мягкой силы»3341

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

Медведев Н.П., Слизовский Д.Е.

Электорально-политическая конкуренция: аналитический обзор
научных публикаций (часть первая)3350

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

DOI 10.35775/PSI.2024.115.10.001

УДК 93

Н.И. КУРБАНОВ

стажер-исследователь Центра пространственного анализа международных отношений Института международных исследований (ЦПАМО ИМИ) Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел (МГИМО МИД) России, Россия, г. Москва
E-mail: nazar.kurbanov2001@yandex.ru
SPIN-код: 9297-8438

М.М. ВАРАКИН

магистрант исторического факультета Московского государственного университета (МГУ) им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва
E-mail: varakin_03@mail.ru

«РУССКИЙ ВОПРОС» И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В 1930-Е ГГ.: ВЗГЛЯД А.И. ДЕНИКИНА

Данная статья посвящена изучению, анализу и оценке накаляющейся международной обстановки в Северо-Восточной Азии в первой трети XX века и положению России в восприятии А.И. Деникина. Сравниваются взгляды А.И. Деникина на расстановку сил в Северо-Восточной Азии в 1930-е гг. с реальными тенденциями развития событий в регионе, реализацией внешнеполитической доктрины и имперского проекта Японии в Северо-Восточной Азии. Также рассматривается положение России и русских на Дальнем Востоке в контексте нарастания военно-политического напряжения.

Ключевые слова: Россия, Япония, русская эмиграция, А.И. Деникин, внешняя политика.

В ночь с 18 на 19 сентября 1931 г. на ветке Южно-Маньчжурской железной дороги прогремел взрыв, а уже утром началось полномасштабное наземное вторжение японской Квантунской армии в Маньчжурию [1. С. 190]. Это событие ознаменовало переход от многолетних экспансионистских планов японских националистов к последовательной реализации военно-политической доктрины господства Японской империи во всей Азии. Невольными свидетелями воплощения паназиатской идеи стали тысячи русских эмигрантов, которые оказались в вынужденном изгнании в Китае после Российской Гражданской войны.

Вопрос активизации японской политики в Северо-Восточной Азии запустил механизмы интеллектуального осмысления и рационализации в среде русского зарубежья. Эмигрантская общественность оказалась перед серьезным вызовом усложняющейся международной обстановки в азиатском регионе, в связи с чем была вынуждена сформулировать собственное видение военно-политической и социокультурной ситуации.

На пике эпохи модерна вершителями судеб в регионе выступали великие державы и крупные региональные государства, среди них выделялись Российская империя, смененная Советской Россией, а также Китай и Япония. Россия была активно вовлечена в дальневосточные дела, лишь укрепляя свое присутствие в регионе еще с XVII в., оно вышло на новый уровень в 1890-е – 1900-е гг. [13. С. 180-186]. Расширив свои владения в Приамурье и Приморье по Айгунскому (1858 г.) и Пекинскому (1860 г.) договорам, Россия устремилась к незамерзающим портам Желтого моря, Корею и усилению влияния в стагнирующей империи Цин, чему способствовало укрепление позиций т.н. «восточничества» в среде имперской элиты [13. С. 92-94]. Так, в связи с проникновением в северо-восточный Китай, по Московскому договору 1896 г. началось строительство КВЖД, а в 1898 г. Россия получила концессию на строительство уже южной ветки железной дороги на Ляодунский полуостров к своей торговой базе в городе Дальний и военно-морской в Порт-Артуре. Вместе с войсками и строителями на территорию Китая переселись большие массы населения, обслуживающие дорогу и обеспечивающие ее безопасность. Столицей и центром российского влияния стал город Харбин. Само же русское население с подписанием Портсмутского мира в 1905 г. окончательно сконцентрировалось вокруг основной ветки КВЖД и ее станций. В 1900-е и 1910-е гг. численность населения в полосе железной дороги только росла, а Харбин стал экономической и культурной столицей Северной Маньчжурии, имея систему самоуправления, собственную банковскую и образовательную сферу, крупный предпринимательский сектор [14. С. 17-18]. Эти структуры в дальнейшем выступают стержнями для самоорганизации русской эмиграции в этом регионе и утверждают северо-восточный Китай наравне с европейскими центрами российского зарубежья.

К началу пореволюционной эпохи, т.е. к 1917 г., в одном только Харбине проживало около 100 тысяч русского постоянного населения, однако в дальнейшем оно будет вынуждено рассредоточиться по другим городам Китая и Тихоокеанского региона. Помимо Маньчжурии русские фактории, районы и отдельные поселенцы располагались в Пекине, Тяньзине, Ханькоу, Шанхае и Синьцзяне, активно занимаясь торгово-предпринимательской деятельностью и находясь на государственной-дипломатической службе [14. С. 19-23].

Мирный 1917 г. с его несчетными митингами, демократизацией органов власти, укреплением советов и ростом симпатий к радикальным левым партиям, преимущественно эсерам и большевикам [3. С. 21-22], сменился на Дальнем Востоке пятилетием боевых действий и всеобъемлющей социально-политической нестабильностью. Установленная стремительно власть советов, в рамках

т.н. «триумфального шествия», столь же «стремительно и триумфально» была низложена восставшими бойцами Чехословацкого корпуса, войсками держав-интервентов (преимущественно США, Японии и Великобритании), высадившихся еще летом 1917 г. во Владивостоке, а также антибольшевистскими силами русской общественности и промышленно-финансовой элиты, военных и гражданских чинов [4. С. 17-20]. Дальний Восток надолго, вплоть до финального акта Гражданской войны, оказался тыловым регионом антибольшевистских сил, при этом внешние акторы, прежде всего Японская империя, активнейшим образом были вовлечены в политические, административные и военные действия в регионе [4. С. 20]. Боевые действия в русском Приамурье и Приморье начались в 1920 г., после победы большевиков в Сибири и продвижении в Забайкалье, вместе с тем было образовано советское буферное государство – Дальневосточная республика (ДВР) [15. С. 139-140]. Параллельно, при активной роли японской стороны, был организован заговор и в мае 1921 г. совершен военизированный переворот против эсеровского правительства во Владивостоке, за чем последовало учреждение буферного государства во главе с братьями Меркуловыми – Временного Приамурского правительства [15. С. 140]. После недолгого существования и попыток переговоров с большевиками правительство Меркуловых было низложено генералом М.К. Дитерихсом, взявшим курс на непримиримое противостояние с большевиками и воссоздание монархии, но де-факто владивостокское правительство продолжало контролироваться интервентами, вплоть до занятия города и края большевиками в октябре 1922 г. [15. С. 140-141].

Этот опыт фактически полной зависимости от внешних сил, их прямое присутствие на коренных русских территориях и концессиях в северо-восточном Китае оказали чрезвычайно сильное влияние на интеллектуальную традицию рефлексии эмиграции о судьбах русских на Дальнем Востоке. Идея сепарации Дальнего Востока от России и формирование буферного режима пережила 1920-е гг. как в Москве, так и в Токио [12. С. 240-241], сопровождаясь нарастанием напряженности в регионе и подготовкой Японии к своей экспансии. Повлиял этот процесс и на одного из самых видных деятелей и авторов-мемуаристов русской эмиграции, бывшего лидера и командующего Вооруженными Силами Юга России – А.И. Деникина, опубликовавшего в Париже в 1932 г. статью «Русский вопрос на Дальнем Востоке» [5]. На рубеже 1920-х-1930-х гг., во время своего пребывания в «Мекке белой эмиграции», Деникин выступает в качестве независимого аналитика и публициста, имеющего значительный успех, издающего собственные мемуарные сочинения, историческое и армейское бытописание, программные статьи на актуальные для русской эмиграции социально-политические вопросы [6]. Рассмотрение подобного публицистического материала позволяет реконструировать общественное мнение, установить уровень дискурса и саморационализации, наличие или отсутствие стратегии, а также понимания реальной международной обстановки в среде русского зарубежья [9. С. 90].

А.И. Деникин не питает иллюзий относительно положения русской эмиграции, более чем двух миллионов человек, покинувших Россию и рассеявшихся по миру [15. С. 23], «оторванных от Родины в течении долгих лет, утопающих во взаимных политических распрях и запутавшихся в клубке международных столкновений», неспособных сформировать «общее понимание российских национальных интересов» [5. С. 3]. Эту миссию и возложил на себя генерал, ставя целью рационализировать международно-политическую обстановку и сформулировать национально-патриотическую позицию для русских изгнанников, избежав «отрыва от настроений страны» и реального мирового положения [5. С. 3-5]. Деникин обращает свое внимание на регион Восточной Азии, где только в северокитайской Маньчжурии проживало более 100 тысяч постоянного русского населения, а в прочих городах Китая и иных странах Азии, еще десятки тысяч русских [15. С. 22].

Для формирования образа будущего и стратегии действий Деникин выносит в центр анализа вопрос международного положения в регионе, который рассматривается им последовательно. Прежде всего А.И. Деникина беспокоит рост могущества Японской империи, который подорвал сложившийся в регионе статус-кво [5. С. 5]. Этот процесс был начат еще в период правления императора Мэйдзи, инициировавшего ускоренную модернизацию и европеизацию страны, что сопровождалось развитием глубокого комплекса внутренней неполноценности по отношению к Европе и США, формируя самосознание «маленькой и отсталой нации» [16. С. 133]. Уязвленная национальная гордость и социально-политическая турбулентность периода форсированных реформ сопровождалась масштабным расширением территории самой Японии [16. С. 136], высокий темп которой был значим для оформления «японского империализма», «стремящегося к великодержавию и формирующего «панasiatскую идею» [5. С. 3].

Начало реализации имперских устремлений Японии лежит в 1890-х гг., к этому времени страна коренным образом реформировалась и пришла к другой крайности: после разгромной победы Японии над Китаем в войне 1894-1895 гг. Страна восходящего солнца стала открыто позиционировать себя как по-настоящему великая многонациональная азиатская держава, несущая «свет» и «цивилизацию» другим народам Азии, которым непременно нужна «помощь». Согласно официальной точке зрения, японцы («народ Ямато»), будучи потомками синтоистских божеств быстро ассимилировали некоторые этносы, поэтому они накопили достаточный исторический опыт для «вбирания в себя» других народов, так как японцы способны к расселению фактически в любом климате [16. С. 136-138]. Эти идеологические тенденции внутри японского государства и социума были подмечены А.И. Деникиным, усмотревшем еще в начале 1930-х гг. восхождение идеологии экспансии, корни которой виделись им в ресурсном голоде метрополии, перенаселении, «развитии национального сознания» и «шовинизме руководителей» государства [5. С. 6]. Окончательно агрессивные империалистические настроения Японии оформились в концепции «кокутай», которая была подготовлена японским министерством просвещения в 1937 году.

Согласно этой доктрине, утверждалось единство императора, народа и населяемой им богоизбранной земли в качестве единого организма: государство «одухотворяется» императором, существует благодаря ему, ибо император «любит» всех и каждого уже в силу самой их принадлежности к японской нации, причем народ должен проявлять «сыновнюю почтительность» к императору и нести перед ним ответственность [7. С. 141]. Прочие общественно-политические дискуссии и организации к началу Второй мировой войны были фактически полностью свернуты, либо интегрированы в «мега-организацию» под названием «Ассоциация помощи трону». Она была создана в 1940 году в рамках «новой политической структуры» – плана, предполагавшего роспуск всех политических партий и движений в целях создания одной вечно правящей партии [7. С. 175], что должно было окончательно обозначить идейно-политическую готовность Японии к тотальной войне.

Многие из этих идеологов были верно усмотрены Деникиным, увидевшем основу японской доктрины экспансии прежде всего в геополитическом и экономическом поле. Реализацию же японских стратегических целей в Северо-Восточной Азии генерал видит в практиках «вселения в Маньчжурию» и освоении Южного Сахалина (к тому времени 27 лет находящегося под властью Японии), которые, по его мнению, имеют весьма низкую эффективность. Поскольку северное направление для «японского империализма» представляется весьма малоэффективным в свете прежде всего природно-климатических факторов, то Южная Азия и Тихоокеанский регион неминуемо определяются как направление главного удара [5. С. 6-9]. И если же в южном направлении Деникин прогнозирует вероятно легкий военно-политический успех Японии в силу слабости, страха эскалации и апатии среди «держав-победителей в великой войне», то на севере Китая и Дальнем Востоке он видит проблемы для продвижения империи, заключающиеся в недооценке японским командованием своего китайского противника. Тем не менее, «отсутствие России» и несубъектность русских на северном фазе «борьбы рас за господство на востоке Азии и Тихом океане» развязали руки островной империи, заинтересованной в «особом экономическом влиянии в русском Приморье» и правлении Маньчжурией [5. С. 9-13]. Япония воспользовалась этими факторами, сумев перековать и оснастить свои вооруженные силы, имеющие богатый опыт боевых действий и высокий уровень организации. Кроме того, войска были обеспечены материально-технической и инфраструктурной базой по всему региону, что окончательно определило готовность японской военной машины к столкновению [7. С. 175].

В связи с двумя перспективными направлениями военной эскалации Деникиным просматриваются и моделируются два ключевых конфликта в Восточной Азии – американо-японский на южном фазе и советско-японский на северном. И если же в Юго-Восточной Азии японская агрессия несла опасность для русских эмигрантов, осевших в прибрежных портах Китая, а также в Британской и Голландской Ост-Индиях, то в Северо-Восточной Азии угроза представлялась уже непосредственно коренным русским территориям, а также

крупной маньчжурской общине русских в полосе КВЖД. Сам захват Маньчжурии являлся прямой угрозой русскому Дальнему Востоку и Сибири как малонаселенным территориям, богатыми ресурсами и в этой связи оказавшимися уязвимыми для колонизации и развертывания японских войск [5. С. 14-15]. Позиции Советской России на Дальнем Востоке были чрезвычайно ослаблены к началу 1930-х гг. Несмотря на уверенную победу над китайскими формированиями в конфликте на КВЖД в 1929 г., советской власти не удалось установить прочного контроля и предотвратить вторжение японцев в Маньчжурию.

Последние же вели активную разведывательную деятельность и организовывали провокации на границе с СССР. Так, советские пограничники еще с начала 1930-х гг. столкнулись с многочисленными вылазками японских диверсантов: за 1932-1934 гг. было зафиксировано 152 пограничных конфликта [10. С. 374], а только с 1 января по 20 августа 1938 года японцы 124 раза нарушили сухопутную, 120 раз – морскую границу СССР и имели 19 боевых столкновений [2. С. 150]. Более того, Япония стремилась задействовать белоэмигрантов, которые активно участвовали в гражданской войне в Китае на стороне различных сил, для организации различного рода восстаний на советском Дальнем Востоке [17. С. 145-147] – соответствующие документы сохранились в Русском заграничном историческом архиве в Праге (РЗИА, после окончания Второй мировой войны весь архив был вывезен в Москву).

Помимо сотен таких «разбойных набегов» и рейдов, японцами велась и значительная работа по подготовке «прояпонской фракции» в среде русской эмиграции, условным лидером которой выступал атаман Г.М. Семенов, пытавшийся заручиться поддержкой в «антикоммунистической борьбе» любой сколько-нибудь значимой военно-политической силы в регионе [15. С. 142-145]. При этом само русское население Северо-Востока Китая связывало с приходом японцев надежды на перемены к лучшему, хотя и не питало больших симпатий и иллюзий относительно реальных планов империи [8. С. 130-132]. В этой связи Деникин формулирует наиболее взвешенную позицию, предостерегая восточную ветвь русского зарубежья как от «японофильства», так и от «японофобства», призывая к рациональной оценке ситуации и пониманию устремлений японского правительства – выступает ли оно исключительно «против советов или же против России» [5. С. 15].

Однако важно понимать, что политика Японии не была консолидированной, а характеризовалась борьбой различных политических группировок за реальную власть (император был лишен фактической власти). Прежде всего борьба разворачивалась между националистами, которые выступали за активное «расширение жизненного пространства» (в основном это были представители военных кругов) и «умеренными», которые выступали за попытки договориться с США, Великобританией и другими государствами особенно по проблеме разделения Китая на сферы влияния [7. С. 147]. Эти группировки включали абсолютно разных представителей – от бюрократов, банкиров и военных деятелей до членов императорской семьи (принц Коноэ). Любопытно, что и Деникин выделяет

соответствующие группировки влияния (партии «минсэйто» и «сэюкай», «военная группа»), справедливо отмечая, что если они «одинаково оценивают историческую миссию японского народа, то весьма расходятся в методах и сроках ее выполнения и завершения» [5. С. 17]. Добавим, что и среди военных не было единства, и А.И. Деникин также отмечает раскол по линии: военное министерство (армия) – морское ведомство (флот) [5. С. 11-12], которые сражались за увеличение финансирования, что напрямую влияло на ход боевых действий и определение векторов внешней политики. Настроения японского общества в 1920-1930-е гг. можно охарактеризовать как всецело отражающими общий курс правительства на милитаризацию страны, ее мобилизацию и подготовку к новой большой войне, что выражалось в поддержке публичных процессов над коммунистами (членами коммунистической партии Японии), по наращиванию экспансии в Китае и обострению советско-японских отношений [7. С. 123].

Вместе с этим Япония на всех оккупированных землях установила жесткий, репрессивный режим управления, превратив эти территории в фактические колонии, жестоко эксплуатируя местное население [11. С. 88]. Так, в Китае японская агрессия унесла жизни более 35 миллионов человек. Особо кровавыми событиями стали Нанкинская резня (декабрь 1937 г. – январь 1938 г.), в которой погибли от 40 тыс. до 500 тыс. человек преимущественно гражданского населения города, деятельность «отряда 731», который производил жестокие эксперименты над мирными жителями с научными целями, и тактика «трех всех» («убить все, сжечь все, ограбить все»), которая активно применялась японской армией при наступлении не только в Китае, но и в других странах, в частности, Юго-Восточной Азии [11. С. 166].

Подобная колониальная политика не обещала ничего благоприятного для русских Дальнего Востока, более того А. И. Деникин указывает на уже имевшийся опыт оккупации. Генерал описывает захват японцами Северного Сахалина в 1918-1924 гг. и установление колониальной администрации и «японского гражданского управления», организации выкачивания ресурсов острова и массовой депортации 20 тысяч русских в Приморье, что де-факто было подготовкой к аннексии [5. С. 18-19]. Этот опыт видится определяющим в прогнозировании грядущего советско-японского конфликта, в котором обе стороны не занимают национально-ориентированных прорусских позиций, а эскалация их противостояния не дает реальных возможностей для «изгнанных русских патриотов» начала 1930-х гг. [5. С. 35].

Актуальные же события вялотекущей гражданской войны в Китае, которая обострилась в середине 1920-х гг. являлись для Японии шансом не только нарастить свое влияние в Поднебесной, но и изгнать оттуда другие державы, прежде всего США и Великобританию. Во многом для этого на территории Маньчжурии в 1932 году было провозглашено марионеточное государство «Маньчжоу-Го». Япония руками Маньчжоу-Го стала организовывать массовые провокации (аресты, грабежи и даже убийства советских служащих и членов их семей) на КВЖД, которая находилась в совместной китайско-советской собственности, и в итоге

вынудила СССР продать магистраль в 1935 году по сравнительно низкой цене – СССР сначала запросил 625 млн японских иен, но в итоге продал за 140 млн иен [10. С. 166]. С укреплением Японии в Маньчжурии в 1937 году последовал новый «китайский инцидент» на мосту Марко Поло (Лугоуцяо), который заключался в небольшой стычке между японскими и китайскими войсками. Тем не менее это привело к масштабному наступлению Японии, захвату Пекина, Шанхая и резкому обострению всей военно-политической обстановки в регионе. Несмотря на то, что западные державы на словах заявляли протест действиям Японии в Китае, реальных действий они фактически не предпринимали. На наш взгляд, отсутствие должного отпора с их стороны только подогревали аппетиты японского военного командования не только в отношении Китая, но и в отношении советского Дальнего Востока, тем более что СССР в то время был единственной страной, оказывавшей реальную помощь Китаю, поставляя танки, самолеты, оружие и даже военных специалистов.

Гораздо более серьезным событием, стал конфликт на озере Хасан в июле-августе 1938 года, который произошел из-за того, что Япония посчитала линию границы «неверной» и вторглась вглубь советской территории на 4 км, и хотя в результате упорных боев противника удалось отбросить на исходные позиции), советская сторона понесла ощутимые потери: 717 человек убитыми и 2752 – ранеными и еще 59 – пропавшими без вести [2. С. 157]. Пиком же напряженности стали бои на монгольской реке Халхин-Гол в мае-сентябре 1939 года, в результате которых японская армия была вновь отброшена на исходные позиции, понесла существенные потери (от 52 тыс. до 61 тыс. человек). Суверенитет Монголии был сохранен. Тем не менее потери РККА и Монгольской Народно-революционной армии были значительными – 10 тыс. и 16 тыс. человек убитыми [2. С. 162-164].

Таким образом, ключевыми позициями и выводами настоящего исследования являются:

1) благодаря А.И. Деникину и его активной публицистической деятельности было не только освещено, но и подробно проанализировано положение русских эмигрантов на Дальнем Востоке (прежде всего в Китае), которые, будучи весьма представительным и организованным сообществом, оказались в самой гуще политических событий в виду агрессивных устремлений Японской империи, вялотекущей гражданской войны в Китае, а также шатких позиций советской власти как на дальневосточной территории РСФСР, так и в Маньчжурии;

2) Япония за короткий по историческим меркам промежуток времени (середина XIX века – вторая треть XX века) из закрытого островного государства, пораженного комплексом собственной неполноценности перед державами Запада, превратилось в сильного актора международных отношений с профессиональными мощными вооруженными силами, реорганизованными по европейскому образцу и закаленными в боях, с весьма четкой агрессивной милитаристской идеологией, которая смогла объединить все японское общество вокруг императора и в целом правительства, и с военизированной экономикой,

работающей на нужды армии и флота. Тем не менее «политическая чехарда», произвол на местах и в целом неумение должным образом организовать управление колониями, привели к масштабным жертвам среди местного населения этих колоний, перерасходу ресурсов, что превращало Японию в глазах угнетенных народов Китая, Кореи и Юго-Восточной Азии не в «спасителя», а в палача.

3) милитаристская Япония умело использовала гражданскую войну в Китае для развития своей собственной экспансии, вытеснив западные державы из ключевых регионов (Маньчжурия, Пекин и т.д.), однако сравнительно быстрое продвижение японских войск привело к «головокружению от успехов» у японского командования, которое вознамерилось распространить боевые действия и на территорию СССР и Монголии. Деникин верно понял тенденции развития международной обстановки в Северо-Восточной Азии, предугадал эскалацию со стороны Японии, а также сформулировал программу действий для русской диаспоры, заключавшейся в невмешательстве в политико-дипломатическую игру, сохранении сил и отказе от коллаборационизма как с японской стороной, так и с советской.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Айрапетов О.Р.** Внешняя политика Советской России и СССР в 1920-1939 годах и истоки Второй Мировой войны. М.: Родина, 2020.
2. **Воронин В.Е.** История российско-японских территориальных споров: вечная тема мирного договора: Монография. М.: Прометей, 2024.
3. **Галлямова Л.И.** 1917 год на Дальнем Востоке России: региональные особенности социально-политических трансформаций // Россия и АТР. 2017. № 3.
4. **Галлямова Л.И.** Гражданская война и военная интервенция в России в региональном измерении: Дальний Восток (конец 1917 – сентябрь 1918 г.) // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. Т. 19.
5. **Деникин А.И.** Русский вопрос на Дальнем Востоке. М.: Книга по требованию, 2021.
6. **Ипполитов Г.М.** Деникин. М.: Молодая гвардия, 2006.
7. **Молодяков В.Э., Молодякова Э.В., Маркарян С.Б.** История Японии. XX век. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2009.
8. **Наземцева Е.Н.** Специфика политико-правового положения русской эмиграции в Китае в период обострения международной ситуации на Дальнем Востоке (1931-1937 гг.) // Петербургский исторический журнал. 2016. № 4.
9. **Плавская Е.В.** Публицистика как вид исторических источников: проблема определения // Вестник РГГУ. 2008. № 4.
10. **Российско-японские отношения в формате параллельной истории / под общ. ред. А.В. Торкунова, М. Иокибе.** М.: МГИМО-Университет, 2015.

11. **Стрельцов Д.В.** Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседами: Монография / под. ред. Д.В. Стрельцова. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2022.
12. **Саблин И.** Дальневосточная республика: от идеи до ликвидации. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
13. **Схиммельпенник ван дер Ойе Д.** Навстречу восходящему солнцу. Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
14. **Шаронова В.Г.** История русской эмиграции в Восточном Китае в первой половине XX века. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.
15. **Шкаренков Л.К.** Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1987.
16. Японский феномен глазами российских японоведов: Научное издание / под ред. И.П. Лебедевой, А.Н. Мещерякова и Д.В. Стрельцова. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018.
17. **Eduard Baryshev.** Collecting Memories: The Far East in Materials and Activities of the Russian Historical Archive Abroad in Prague. 北東アジア研究 = Shimane journal of North East Asian research / 島根県立大学北東アジア地域研究センター 編. 2018. № 29 // <https://ndlsearch.ndl.go.jp/books/R000000004-I029021991>.

N.I. KURBANOV

Research Intern, Center for Spatial Analysis
of International Relations, Moscow State Institute of International
Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(MGIMO University), Moscow, Russia

M.M. VARAKIN

First-year student, Master's degree program
«History», Faculty of History, Lomonosov Moscow
State University, Moscow, Russia

«THE RUSSIAN POSTURE» AND THE INTERNATIONAL SITUATION IN EAST ASIA IN THE 1930S: A. DENIKIN'S VIEW

This article is devoted to the analysis of the rising international tensions in Northeast Asia in the 1920s and 1930s. It also analyzes the views of A.I. Denikin on Russia's regional posture. These views on the balance of power in Northeast Asia in the 1930s are compared with the real regional trends of that time, and with the Japanese foreign policy doctrine and the imperial project in Northeast Asia. The position of Russia and Russians in the Far East is also considered in the context of increasing military and political tension.

Key words: Russia, Japan, Russian emigration, A. Denikin, foreign policy.